

И. Тодоров

СТЕФАН ЗАХАРИЕВ И ЗАРОЖДЕНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНТЕРЕСА К ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ ФРАКИИ В БОЛГАРИИ

Личность и дело Стефана Захариева (ок. 1810 – апрель 1871), одного из типичных представителей болгарской возрожденческой интеллигенции середины XIX в., были хорошо известны образованной общественности Болгарии первых десятилетий после Освобождения от турецкого рабства. Эта популярность была обусловлена его активной гражданской позицией по отношению к церкви и просвещению в Татар-Пазарджикской каазе (по административной терминологии середины XIX в., ныне – область Пазарджик), а также публикацией в Вене труда «Географико-историко-статистическое описание Татар-Пазарджикской каазы с одной картой и таблицей разных старых памятников. Сочиненное Стефаном Захариевым, Т.-Пазарджичанином» (Вена, Типография Л. Соммер и сие, 1870).

Как видно из заглавия этой небольшой 80-страничной книги, в ней содержится актуальная практическая информация об одном обособленном районе, а именно Татар-Пазарджикской каазе. Не подлежит сомнению ценность приведенных автором географических и статистических данных об этой области, но не менее важны и сведения, касающиеся ее исторического прошлого. К сожалению, труд Ст. Захариева, встреченный с восторгом его современниками, постепенно забылся, и им стали интересоваться лишь отдельные специалисты – филологи, историки, археологи, этнологи, социологи, географы.

В 1970 г. специалисты Окружного исторического музея (ОИМ) г. Пазарджик (ныне РИМ – Пазарджик) по случаю 100-й годовщины выхода в свет труда Ст. Захариева осуществили репринтное переиздание этой превратившейся в библиографическую редкость книги*. В этом благородном деле приняли участие работники ОИМ – Пазарджик, проф. И. Багалиев, Ал. Арнаудов и др. В приложении к книге представлены скопированные Ст. Захариевым тексты и чертежи, а также копия составленной им оригинальной карты района. Фотокопия портрета Ст. Захариева, написанного выдающимся художником Станиславом Доспевским, дополняет представление об этом замечательном возрожденческом деятеле.

Биографические данные о Ст. Захариеве достаточно полно представлены в современной литературе¹. Его род происходил из деревни Сестримо у подножия Рилы. Родился Ст. Захариев ок. 1810 г. в г. Татар Пазарджик. Его отец, чье имя в соответствии с современной именной системой звучало бы как Захари Георгиев Секулов, следуя традициям своего времени, отправил сына в Пловдив, чтобы он получил хорошее образование. По словам самого Ст. Захариева, он действительно получил отличное образование у двух учителей-греков. Он выучил древне- и новогреческий языки, прекрасно владел турецким. По возвращении в г. Татар Пазарджик Ст. Захариев стал помогать отцу в торговле. Он часто посещал г. Белград, где овладел разговорным сербским языком, на котором до этого читал и писал². В те времена формирование болгарского литературного языка все еще находилось

* Благодарю коллегу Хачика Мардиросяна за предоставленное репринтное издание труда Ст. Захариева. Написанное здесь является результатом его настоятельного пожелания заняться изложением достигнутых нашим возрожденцем результатов в области античной истории и древней Фракии.

на начальной стадии. Следует иметь в виду и то, что сравнительно медленно проходил процесс создания новых болгарских школ. В г. Татар Пазарджик общая болгарская школа, в которой преподавали и на греческом, и на болгарском языках, была создана в 1823 г., а первая начальная школа с преподаванием на болгарском языке открылась в 1845 г.

Принимать участие в церковно-просветительском движении Ст. Захариев начинает с 1858 г. Должность архиерейского наместника пловдивского митрополита и председателя церковной общины он занимал и ранее. Однако тогда его деятельность была в основном рутинной. Вместе с тем, именно она предоставила Ст. Захариеву возможность ознакомиться со статистическими данными и природно-географическими особенностями Татар-Пазарджикского региона. Они и стали предметом его творческих поисков, что, в конечном счете, привело к появлению труда, благодаря которому Ст. Захариев известен и сегодня.

В своих воспоминаниях сын Захариева Христо особо упоминает, что дом его отца всегда был открыт для ученых и учителей города³. Участие Ст. Захариева в общенародном движении за просвещение и церковную независимость проявлялось в его деятельности как главного попечителя и репортера некоторых печатных изданий («Български книжици», «Съветник»), титулярного библиотекаря читальни «Виделина» (1858–1870 гг.). Кроме того, он вел активную переписку с другими болгарскими-возрожденцами и с иностранцами. Важное место в деятельности Ст. Захариева принадлежит инициативам, касавшимся борьбы за самостоятельную болгарскую церковь (чествование праздника Св. братьев Кирилла и Мефодия в 1859 г., изгнание греческих священников из церкви Св. Богородицы и др.). Особенно же важным представляется его участие в церковном движении 60-х годов и накануне признания болгарской экзархии в феврале 1870 г.

Параллельно с этой глубоко патриотической деятельностью Ст. Захариев занимается сбором исторических, археологических и нумизматических материалов – эпиграфических надписей, текстов на пергаменте, монет и т. д. Его посещает французский археолог Шарль Ал. Дюмон (1841–1884). Ст. Захариев переписывается с Павлом Шафариком (1795–1861) – в то время директором музея в Белграде, со Ст. Верковичем (1821–1893), собиравшим болгарские народные песни, с Валтазаром Богишичем (1834–1908) – библиотекарем в имперской библиотеке в Вене, которому он послал обстоятельное изложение 174 вопросов, касающихся правовых отношений в районе г. Пазарджик. Переписка с В. Богишичем велась в 1867 г. и стала возможной благодаря знакомству Ст. Захариева с книгоиздателем и видным деятелем просвещения Хр. Г. Дановым (1828–1911). К тому времени труд «Географико-историко-статистическое описание Татар-Пазарджикской каазы» уже был завершен (1865), и его публикации в Вене также содействовал Данов. Он выкупил за 1000 грошей рукопись у автора, обязавшись при этом после выхода книги в свет бесплатно предоставить ему 20 экземпляров⁴.

Обращение к труду Ст. Захариева позволяет существенно расширить представление о первых проявлениях в Болгарии исследовательского интереса к истории древней Фракии. Сведения о ней, приведенные в работе, соответствуют четырем основным тематическим направлениям: 1. Данные, отражающие представления Ст. Захариева о древних фракийцах; 2. Описание археологических памятников района, относящихся к фракийской и античной культуре; 3. Сведения о взаимоотношениях между фракийцами и представителями античной греко-римской культуры; 4. Курьезные данные, связанные чаще всего с наличием богатых кладов фракийцев.

Еще во вводной части работы Ст. Захариев декларирует стремление⁵ описать известные ему земли в области Пазарджика, руководствуясь патриотическими мотивами, противопоставить свои взгляды утверждениям Георгия Цукалы⁶ об эллинском происхождении фракийцев. Основываясь на библейской традиции, Г. Цукала связывает фракийцев с восьмым сыном Яфета и внуком Ноя Тиром, и это представляется ему

достаточным основанием для того, чтобы называть жителей г. Пловдив фрако-эллинами. Ст. Захариев такой взгляд на происхождение фракийцев решительно отвергает.

Отдельные лингвистические и терминологические компоненты этой части труда Захариева (Αλοκία – универсалия, касающаяся поселения, созданного переселенцами; древнее название Пловдива – Пульпудева; Пелазги (Πελαγοί) – как самое раннее население после Потопа), свидетельствуют о его хорошем владении древне- и новогреческим языками. Эти познания дают Ст. Захариеву возможность высказывать свою собственную точку зрения в спорах о ранней истории Балканского полуострова и, в частности, об истории районов Пловдива и Пазарджика. Он не сомневается в том, что употребляемое применительно к населению, проживающему южнее Балканских гор, название «фракийцы», относится, в сущности, к болгарам, и уже в предисловии подчеркивает, что его изложение адресовано «фракийским болгарам» (с. 5), населяющим Фракию с незапамятных времен.

Весьма примечательны и заметки автора, касающиеся происхождения индоевропейских народов. Под влиянием духа времени Ст. Захариев, на уровне собственной информированности, доступным языком пересказывает некоторые из популярных тогда теорий о происхождении древнейшего населения Балканского полуострова. Естественно, этот материал представлен в упрощенном виде, с непосредственной уверенностью человека, не имевшего специального образования, чьи научные взгляды формировались путем самообразования и под влиянием книг, вышедших на греческом языке. Поэтому у Ст. Захариева не возникает никаких сомнений в том, что большинство народов современной Европы начали свое переселение после Потопа из Индии, что после перехода через Боспор по имени одного из их предводителей, Тира, страна получила название Фракия. Население, расселившееся в этих местах, получило название пелазги, но оно было дано им позднее эллинами. А сами пелазги называли себя на собственном, «самоскритском», языке *яриями*, т. е. «пахарями».

В приведенном выше фрагменте несомненный интерес для специалистов представляет способ формирования раннего понимания этногенетических процессов и обозначения конкретных названий палеобалканских народностей. Бесспорно, упомянутые представления соответствуют теории об индоевропейском происхождении балканских народов⁷. Конструктивное понимание Ст. Захариевым самого раннего их названия – «пелазги» – соотносится с утвердившимися в современной научной литературе концепциями. В этом смысле особое впечатление производит то, что этнонимы пелазги и эллины, несомненно, воспринимаются автором во временном и этническом противопоставлении.

Интересно и толкование самоназвания пелазгов – «ярии» – на «самоскритском языке». Здесь для понятий *язык* и *народ* Ст. Захариев использует термины, которые были очень популярными в его время. Сегодня любой исследователь, хотя бы поверхностно знакомый с языковедческими теориями XIX в., касающимися индоевропейского происхождения античных народов, легко может найти эквиваленты понятий *самоскритский* и *ярии* в современной терминологии – *санскрит* и *арии*. Производит впечатление и оригинальность толкования названия «ярии» как *пахари*. Можно предположить, что оно сформировалось под влиянием специфики быта населения, проживавшего во Фракии, – оно занималось прежде всего земледелием.

Подробности, которые приводятся далее в книге Ст. Захариева, свидетельствуют о его глубокой осведомленности и знакомстве со знаниями, которые утвердились в научной литературе только после популяризации научных результатов в работе В. Томашека «Древние фракийцы. Этнологическое исследование»⁸. Дискуссионный и ныне вопрос о миграции фригов (искаж. брыги от др.-гр. βρήγες у Ст. Захариева) и их поселении в Азии у Черного моря находит в книге Захариева безапелляционное решение: они остались там, где в исторической географии засвидетельствована область Фригия⁹.

Определенную свежесть привносит наивное утверждение Ст. Захариева относительно роли братьев Брена и Болга и вытекающий из него вывод о том, что последний является эпонимом современных болгар. Примерно так же воспринимается и его попытка лингвистического комментария такого факта, как произношение цепинскими и родопскими болгарами, принявшими ислам, звука ъ как *o*. Заключение автора вполне соответствует духу той задачи, которую он себе поставил, – именно так фракийские славяне, которые раньше были пелазгами, стали болгарами. Тем не менее, следует отметить, что и здесь мы находим известную последовательность в представлениях Ст. Захариева об этнических изменениях на Балканском полуострове: имена Брен¹⁰ и Болг (Болгий) находятся в прямой связи с кельтским нашествием на Балканы в 280 г. до Хр. э.¹¹

Дальнейший текст *Введения* (с. 6) содержит сведения о территориальных границах, которыми определяется предмет будущей работы. Они охватывают территорию Западной Фракии – от г. Одрина до Средней горы, между Балканскими горами и Родопами. Здесь Ст. Захариев упоминает свои источники: сочинения географа Страбона, «отца истории» Геродота, позднеантичного историка Зосима. На основании данных, приведенных указанными авторами, Ст. Захариев приходит к заключению, что в этих местах жили пять племен:

1. *Удраци* (искаж. др.-гр. ὀδρύσαι/одрисы – фракийское племя; территориальное ядро на юге, по нижнему течению рек Тунджи, Марицы, Арды; военное и политическое расширение – на север и запад¹². Жили в Одринской области, и их царь Тырын (искаж. др.-гр. Τύρης/*Терес*¹³) основал г. Одрин (ныне Эдирне) на р. Марице. Это племя было сильнее остальных четырех племен (констатация Ст. Захариева).

2. *Вастанци* (искаж. др.-гр. βίστωνες/*бистоны* – фракийское племя в нижнем течении р. Месты, ок. Бистонского озера), которые жили на юге Западной Фракии, ныне Ксантийская область (Ахара челеби)¹⁴.

3. *Затраци* (искаж. др.-гр. Σάτραι/*сатры* – фракийское племя, проживавшее в горах Рила и Родопы¹⁵. По мнению Геродота, сатры были очень воинственными и смелыми (Μάχιμον ἔθνος ζῶν ἐκ λστέιας). Они были известны и под именем *Валхви*, так как жили грабежом, не были никому подвластны и в то время были свободными.

4. *Тилци* (искаж. др.-гр. Τίλαται/*тилатей* – фракийское племя; территориальное расположение: среднее течение р. Искыр); проживали в пределах Средней горы (Σκόμιον, καὶ Μέσον ὄρος)¹⁶.

5. *Беси* (искаж. др.-гр. Βησσοί, καὶ Βέσσοι/*бессы* – фракийское племя; территория: среднее и верхнее течение р. Марицы и прилежащие горные районы; горные и равнинные *бессы*¹⁷). Они были более учеными и образованными, по сравнению с другими фракийцами. Жили патриархально. У них не было ни кумиров, ни капищ, а молились они под большими и старыми деревьями; верили в бессмертие. Некоторые из мудрецов бессов, например, *Замалк* (искаж. др.-гр. Ζάμολξις или Ζάλμοξις / *Залмоксис* – имя легендарного царя-жреца, а после смерти и бога гетов)¹⁸ и *Евмалт* (искаж. др.-гр. Εὐμόλτος/*Эвмолт* – легендарный фракийский царь, основатель мистерий в Элевсине)¹⁹, научили их и верить в других богов и устроить прорицалище на вершине горы Родопа в честь бога *Сивы* или некоего индийского царя *Дионисия* (искаж. др.-гр. *Дионис* – имя бога, греч. эквивалент фракийского бога *Загрей*; фрако-фригийск. *Сабазий*)²⁰. Здесь Ст. Захариев уточняет, что эта вершина находится в Пазарджикской области, и турки называют ее Гиоз-тепе, потому что с нее очень хорошо видно во все стороны. И сегодня там находятся великолепные руины мраморных зданий и мозаики²¹.

Этот пространный абзац почти не нуждается в комментариях. За исключением локализации областей расселения упомянутых в тексте племен, которая ныне уточнена, Ст. Захариев сравнительно точно интерпретирует данные сочинений античных писателей, придерживается содержащихся в них характеристик быта фракийцев.

Некоторые неточности вроде названия г. Одрин, написание, а отсюда и произношение, этнонимов и личных имен, используемых автором, несущественны. Как более серьезные, можно определить неточности, касающиеся культа *Залмоксиса*, сведений об *Эвмолте*, описания *Диониса*. Сомнения вызывают и сведения о самой высокой вершине горы Родопа – Гиоз-тепе, находящейся в Пазарджикской области, а также убедительный рассказ о руинах храма, построенного фракийцами на этом месте.

Далее Ст. Захариев обращается к вопросу о значимости упомянутого выше святилища (с. 7), руководствуясь при этом характерными для него патриотическими мотивами. В сравнительном плане он излагает известные и античным писателям факты о центральном святилище бога *Диониса*, не уступающем по своей известности Делфийскому прорицалищу. То, что это святилище *Диониса*, посещалось как *автариатами* (Ἀυταριάται – иллирийское племя, проживавшее в районе р. Моравы)²² или *агатирами* (искаж. др.-гр. *агатирсы* – собирательное название племен северо-восточной части Балканского полуострова)²³, так и *иллирийцами* и *дарданами*, дает основание Ст. Захариеву сделать несколько странный, но вполне в духе поставленной им задачи, вывод. По его мнению, *македонцы-агатирсы*, *иллирийцы* и *дарданы*, как одноплеменники фракийских славян, предпочитали это прорицалище эллинскому. Автор, от которого, естественно, нельзя ожидать точности в познаниях о племенной идентичности этнонимов, которыми он пользуется, видимо, впал в серьезное заблуждение относительно территориальной локализации *автариатов* и *агатирсов*. По его мнению, подкрепляемому ссылкой на Страбона, *агатирсы* проживали между Родопами и Перин-планиной (совр. Пирин) в районе Мелника. На этом основании ошибка становится более серьезной, и *агатирсы* определяются автором как племена, близкие к македонским. На мой взгляд, утверждение о племенной близости между *фракийскими славянами*, *македонцами*, *иллирийцами* и *дарданами* не нуждается в комментариях – очевидно, оно порождено духом времени, в которое жил Ст. Захариев, и идеями об объединении балканских народов на основании славянской идентичности.

В этом смысле переход Ст. Захариева к политической истории Фракии представляется вполне объяснимым и логичным. Обращение к ней он начинает с истории г. Пльдин (соврем. Пловдив), который был обновлен одрисским царем (каким именно, не указывается), собравшим в нем живших разрозненно в поле *бесов*. По мнению Ст. Захариева, название Пльдин является производным от слова *плодий* и легко объясняется *плодородием* этих мест.

Недоумение, однако, вызывает приведенное автором новое название города – *Коллиби*. Существует вероятность переноса Ст. Захариевым на этот центр названия другого большого города Фракии того времени – Кабиле²⁴ (Καβύλη), и это подтверждается дальнейшим ходом повествования, где речь идет о походе македонского царя Филиппа во Фракию и захвате города, который вследствие этих событий получает его имя – Φιλίππολις, т. е. Филиппов город.

Представления Ст. Захариева о мотивах македонской завоевательной политики в основном соответствуют концепциям, утвердившимся в современной литературе. Среди них он называет пополнение из Фракии контингентов вспомогательных войск для ведения военных действий против *эллинов* (или горцев). Указывается и на необходимость в разработке месторождений золота, железа, свинца и др., которыми были богаты земли Фракии. В этих целях, в конечном счете, вся территория от совр. г. Харманли до Средней горы была захвачена. Кроме того, были построены дополнительные крепости *Дръглян* (искаж. др.-гр.; совр. *Дронгилон/Дρόγγυλον*)²⁵ и *Мъстра* (искаж. др.-гр.; совр. *Мастейра/Μάστειρα* – с. Младиново, Хасковская область)²⁶.

Уделяя внимание ранней истории Пловдива, Ст. Захариев останавливается и на действиях македонского царя Филиппа. Речь идет о поселении жителей Эллады во Фракии

после 338 г. до Р. Хр. и о распространенном утверждении, что название Филиппополь было заменено названием Понеропол (Лукавый город, от греч. Πονήροπολις – *город преступников*). Переименование города датируется 360 г. до Р. Хр., и, хотя можно считать, что, по существу, эта дата близка ко времени правления Филиппа II Македонского (359–336 г. до Р. Хр.), это неточно. Указывается и на район, где были поселены изменники – территория между баткунскими (дер. Баткун Пазарджикской обл. – совр. Паталеница), станимашкими (Станимака, совр. г. Асеновград) и хисарскими (г. Хисар) болгарами. Финал этого повествования (с. 7) резок, но в то же время вполне логичен с точки зрения тех целей, которые ставил перед собой автор. Вкратце, в нескольких строках, он описывает военные действия царя Калояна (1197–1207) и захват г. Пловдива/Филиппополя в 1205 г.

В стиле этого патриотического по своему характеру изложения Ст. Захариев продолжает свое повествование обращением к событиям, связанным с правлением Александра III Македонского (336–323 г. до Хр. э.). Оказывается, что Эллада была покорена македонцами Александра и их союзниками фракийцами и с их же помощью позднее была захвачена вся Азия. Вопреки этой логике и совсем неуместно указывается на правление легендарного царя *Исмара*, вероятно, эквивалентного легендарному царю обитавших на Эгейском побережье Фракии *киконов*²⁷, который сверг македонскую власть.

Внимание Ст. Захариева к истории Пловдива сохраняется и применительно к той эпохе, которая в современной историографии характеризуется как время пребывания Фракии под римской властью. С ней связано утверждение автора, что город тогда назывался *Тремонте* (искаж. Τριμόντιον/*Тримонциум*). Заключение Ст. Захариева о том, что за свою историю город имел пять различных названий, является своеобразным финалом его повествования об истории древней Фракии.

Последующий текст направлен прежде всего против пропаганды греческого начала в истории Пловдива. Автор эмоционально защищает существование и сохранение представлений о *фракопелазгах* и *фракославянах* (с. 9). Господство греческой церкви над принявшими христианство местными жителями он объясняет использованием ими греческой письменности из-за отсутствия собственной. На этой ноте Ст. Захариев и заканчивает вводную часть своей книги.

Показательно, что последующее изложение содержит данные не только сугубо географического, этнического и статистического характера, но и такие, которые и в наши дни могут представлять интерес для археологов и этнологов. Речь идет прежде всего об описаниях археологических памятников и объектов, которые демонстрируют культурно-историческую преемственность населения, обитавшего в этих землях в различные эпохи. При этом следует отметить, что в книге содержится информация не только о древнефракийских памятниках, но и об объектах, связанных с греко-римской античной, а также развившимися позднее средневековыми болгарской и византийской культурами²⁸.

Представленные в книге данные о памятниках фракийской культуры, вне всякого сомнения, заслуживают внимания. К сведениям такого рода можно отнести попытку Ст. Захариева (с. 56) локализовать поселение *бессов Бесапара* на базе археологических материалов, найденных в районе деревень Голямо Белово, Малко Белово и Загорово (совр. г. Белово Пазарджикской обл.). Описания, приведенные автором, действительно очень ценны, так как его информация, в известной мере, относится к памятникам, уже безвозвратно утраченным. Вопрос этот поднимался и активно дискутировался в появившейся в Болгарии после Освобождения научной периодике²⁹. Заслуга его решения принадлежит Д. Цончеву, который на основе методов объективного и комплексного исторического и полевого археологического анализа доказал, что дорожная станция Бесапара находилась в окрестностях современного с. Синитово Пазарджикской области³⁰. Это решение лишено романтических порывов, побудивших Ст. Захариева к описанию

памятников, для работы с которыми, по его собственному признанию, у него не было необходимой подготовки. Однако здесь важен сам факт постановки вопроса Ст. Захариевым, чьи документальные описания во многом спровоцировали поиск его решения.

Другой, типичный для изложения Ст. Захарева пример, касающийся употребления названия горы *Родона/Родоны*, может быть по достоинству оценен в сравнении с теми выводами, к которым по данному вопросу приходят признанные специалисты в области фракийского языкознания. История этого унаследованного от древних фракийцев названия и возможность его употребления в форме множественного числа в свое время стали предметом специального исследования Д. Дечева³¹. В связи с этим представляется уместным отметить признание Дечевым хорошего знания Ст. Захариевым древнегреческого языка, что оказало позитивное влияние на его исследования³².

Наконец, отметим, что Ст. Захариевым впервые был опубликован ряд древних надписей, и это стало важным шагом в становлении болгарской эпиграфики. В книге содержится информация о древнегреческих и церковнославянских эпиграфических памятниках, римских милиариях, а в приложении, в таблице под названием «Чертежи», воспроизведены тексты надписей (причем графика некоторых из них напоминает арабскую), а также вызвавшие интерес автора символы и орнаменты. О значении публикации в книге *античных* надписей с территории Татар-Пазарджикской каазы красноречиво свидетельствует следующий факт. В 1-й части 3-го тома Корпуса греческих надписей, найденных в Болгарии, его автор Г. Михайлов применительно к 13 текстам отмечает, что первоначальная информация о них почерпнута из работы Ст. Захарева³³.

Личность и дело Ст. Захарева, которым мы уделили внимание, замечательным образом совпали по времени с жизнью проф. Марина Дринова (1838–1906). Различия в возрасте оказали влияние на их первоначальное образование и, в результате, на весь дальнейший жизненный путь. Академическая карьера проф. М. Дринова стала возможной во многом благодаря предоставленной ему возможности после 1858 г. получить систематическое образование в России. Его исследовательская и преподавательская работа в Харьковском университете предопределила его плодотворную деятельность в области гуманитарных наук.

Совершенно иной жизненный путь выпал на долю Ст. Захарева. Хотя он и был человеком, сведущим в тех областях, где его познания могли быть полезными для современников, практические нужды среды, в которой Ст. Захариев проживал, не позволили ему выявить свои способности в сферах деятельности, к которым он испытывал естественное влечение. Труд, сделавший его известным, в значительной мере является ответом на потребность отстаивать болгарскую национальную идентичность в борьбе за независимость болгарской церкви, образования и научного познания. Сам Ст. Захариев признавал, что он профессионально не был подготовлен к научной работе. Однако отсутствие систематической филологической подготовки и практики научного исторического познания он в значительной мере компенсировал своей любознательностью и внутренней убежденностью в ценности тех исторических преданий и археологических памятников, которые описывал.

Разумеется, нельзя забывать и о духе того времени, на которое пришлась жизнь болгарского возрожденца Ст. Захарева, о связи между ним и Ст. Верковичем – общепризнанным радетелем за объединение славян. Сын Ст. Захарева – Христо Захариев – с сожалением отмечает потерю рукописи «Извлечение и забележки върху Орфеевите химни от 2500 стиха на Ст. Веркович»³⁴. Содержание этого труда, о котором мы имеем только краткую информацию Хр. Захарева, остается неизвестным. В связи с этим мы должны отметить, что неизбежный скептицизм, наверное, окажет влияние на предполагаемую ценность потерянного текста (как это было в случае с *Ведой словена*).

¹ *Захариев, Хр.* Животопис на Стефана Захариев, от гр. Т.-Пазарджик. – Училищен преглед, V, 1900, № VII и VIII, 658–668; *Захариев, Ст.* Географико-историко-статистическо описание на Татар-Пазарджишката кааза. Второ юбилейно фототипно издание с коментар. С., Издателство на Отечествения фронт, 1970, IX–XIX; *Чолов, П.* Български историци. Биографично-библиографски справочник. С., АИ „Проф. Марин Дринов“, 1999, с. 122; <http://wikipedia.org/wiki/>.

² *Захариев, Хр.* Животопис..., с. 659.

³ Там же, с. 663.

⁴ Там же, с. 668.

⁵ *Христева, М.* Гръцка историко-географска книжнина в Пловдив през Възраждането. – В: Международна конференция „Византийското културно наследство и Балканите“. Септември, 6–8, 2001, Пловдив, България. Сборник доклади. Пловдив, 2001, 189–191.

⁶ *Τσουκάλας, Γ.* Ἱστοριογεωγραφικὴ περιγραφὴ τῆς ἐπαρχίας Φιλιπποπόλεως. Ἐν βιέννῃ τῆς Αὐστρίας, 1851.

⁷ *Фол, Ал.* Демографска и социална структура на древна Тракия през I хил. пр.н.е. С., „Наука и изкуство“, 1970, 82–126; *Фол, Ал.* Политическа история на траките. Края на второто хилядолетие до края на пети век преди новата ера. С., „Наука и изкуство“, 1972, 45–46; *Фол, Ал.* История на българските земи в древността до края на III в. пр. Хр. 3. С., ТАНАГРА ТанНакРа, 2008, 91–126.

⁸ *Tomaschek, W.* Die alten Thraker. – SAW-Wien, phil.-hist. Klasse, 128, 1893, 1-130; 130; 1894, 1-70; 131; 1894, 1-104. 2. Aufl. Wien, 1980.

⁹ *Фол, Ал., Т. Спиридонов.* Историческа география на тракийските племена до III в. пр.н.е. С., БАН, 1983, 1–18, с. 99; *Василева, М.* Бриги – фриги и контекстът на една миграция. – Минало, 1995, № 1, 16–22; *Василева, М.* Цар Мидас между Европа и Азия. С., АИ „Марин Дринов“, 2005 (= *Studia Thracica* 8), 44–50.

¹⁰ *Gundel, H.* Brennus (Βρέννος). – In: *Der kleine Pauly*. Stuttgart, 1964, s. 942.

¹¹ *Домарадски, М.* Келтите на Балканския полуостров (IV–I в. пр.н.е.). С., „Наука и изкуство“, 1984, с. 76.

¹² *Фол, Ал., Т. Спиридонов.* Указ. соч., 47–48, с. 84.

¹³ *Ботева, Д.* Терес. – В: КЕТД. С., „Аргес“, 1993, 274–275.

¹⁴ *Фол, Ал., Т. Спиридонов.* Указ. соч., 27–28, 78–79.

¹⁵ Там же, 52–53, 85–87.

¹⁶ Там же, 58–59.

¹⁷ Там же, с. 116.

¹⁸ *Попов, Д.* Залмоксис. – В: КЕТД. С., „Аргес“, 1993, 108–111.

¹⁹ *Гочева, Зл.* Евмолп. – В: КЕТД. С., „Аргес“, 1993, с. 93.

²⁰ *Фол, Ал.* Дионис. – В: КЕТД. С., „Аргес“, 1993, 83–84.

²¹ <http://archaeology-knigi.com/213>.

²² *Фол, Ал., Т. Спиридонов.* Указ. соч., с. 24.

²³ Там же, с. 23, 115.

²⁴ *Велков, В.* Кабиле. – В: КЕТД. С., „Аргес“, 1993, 130–131.

²⁵ *Янакиева, Св.* Дронгилон. – В: КЕТД. С., „Аргес“, 1993, с. 89.

²⁶ *Янакиева, Св.* Мастейра. – В: КЕТД. С., „Аргес“, 1993, с. 173.

²⁷ *Попов, Д.* Марон. – В: КЕТД. С., „Аргес“, 1993, с. 171.

²⁸ *Мутафчиев, П.* Стари градища и друмове из долините на Стряма и Тополница. – МАК – България. Кн. II. С., 1915. 92 с. + фотоси + 2 к.

²⁹ *Славейков, П. Р.* Нещо за Висапара. – Наука, II, № 4, 373–379.

³⁰ *Цончев, Д.* Римският път Philippopolis – Tugugerum – Bessara. – ГНАМ – Пловдив. Кн. II, 1950, 69–83. 1 к.

³¹ *Дечев, Д.* Родопи и Родопя. – Родна реч, II, 1928–1929, № 5, 225–229.

³² *Дечев, Д.* Хемус и Родопи. Принос към старата география на България. – ГСУифф, XXI, 10. С., 1925, с. 21, бел. 10.

³³ *Mihailov, G.* Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae. Vol. III. Inscriptiones inter Haemus et Rhodopem repertae. Fasc. 1. Territorium Philippopolis. S., 1961, № 58-60; № 76; № 78; № 1069, 1075-1076, 1114, 1284-1290, 1293, 1302.

³⁴ *Захариев, Хр.* Животопис..., с. 662.